

Издается по благословению Высокопреосвященнейшего Евлогия,
архиепископа Сумского и Ахтырского

Тема номера: **ЖИЗНЬ ПРИХОДА**

Община

В наши дни человеческая общность всё больше осознаёт себя единой. Разделения, расхождения, противостояние, каков бы ни был их уровень, не принимаются, и в этом одно из отличий нашей эпохи от всех предыдущих. Разброд, антагонизм, ненависть не пропали, предрассудки не вымерли, налицо и взаимное непонимание. Разница языков, культур, образа мыслей, прошлого не стёрлась, но мы перестали признавать за ними окончательную ценность. Мы рассматриваем эти различия не как расхождения, противоположения, а как оттенки, вариации одной темы. Люди стремятся к единству, преодолевшему различия и противоположения, люди признают друг друга людьми, всё яснее проступает человечность в её универсальном качестве. Больше чем когда-либо в прошлом мы сознаём, что все мы одной плоти и крови, что у нас единый Создатель, единый Отец, единый Спаситель, и стремимся воплощать это сознание. Совершенно очевидно, что мы не способны осуществить то, к чему стремимся: Царство Божие достигается борьбой. И борьба эта - не с плотью и кровью, а с силами тьмы. Она обращена не к другому, она направлена на нас самих. Преподобный Исаак Сирин в VI веке сказал: "Тот, кто овладел собственным сердцем, больше того, кто воскрешает мёртвых".

В такой атмосфере, когда единство человечества проявляется всё яснее день ото дня, стремление к христианскому единству совершенно естественно. Но если единство человечества может строиться при помощи любых человеческих средств, христианскому единству это недоступно: мы не можем строить

единство христиан из тех же элементов, из которых совершенно законно мы строим единство между людьми в целом. Тут недостаточно просто человечности, единства по плоти и крови и даже по призванию. В настоящий момент весь христианский мир стремится осознать, что же такое община - не только как понятие, но и в реальности. Если мы посмотрим вокруг себя, мы увидим примеры как неудачные, так и удачные, и мне кажется - но это только личное мнение - что неудачи, которые мы терпим, вероятно, приносят нам больше пользы, чем то, что представляется достижением и успехом. Мне кажется, что слишком часто в нашем современном христианском мире мы пытаемся восстановить общину на основах, которые никогда не сделают её общиной христиан. Христианской общиной - да. Но не такой общиной, которая не что иное, как тело Христово, как место присутствия Святого Духа.

При наших попытках вернуться к христианской общине на ощупь, используя близость по человечеству, нам иногда удаётся воссоздать человеческую общину. Но очень часто именно тот факт, что эта община крепко выстроена, что её члены едины, является препятствием для того, чтобы она могла превратиться в тайну Церкви, быть христианской в самом полном, сильном смысле слова. Мне кажется, есть огромная разница между христианской общиной первых веков, прошедшей через гонения, и христианской общиной, как её можно наблюдать, какой мы пытаемся её построить сегодня. Меня поражает в древней общине, что между её членами, говоря с челове-

ской точки зрения, не было ничего общего! Представим себе мужчин и женщин, семьи или отдельных людей, которые преклоняются перед славой Христовой. Представим себе молитвенное собрание в I веке: мы увидим там бок о бок людей, которые принадлежали к совершенно различным общественным группам; у них не было общего языка - не только потому что они принадлежали к разным народностям, но и потому что они выражались настолько по-разному, что могли возникнуть и разногласия. Общее у всех них было одно: во Христе они встретили Живого Бога. Только Он связывал всех: единственная связующая сила этого поразительно многообразного тела был Дух Святой, дарованный всем и проявляющийся в бесконечном разнообразии дарований, которые все принадлежали духовной области, области благодати, а не области плоти и природы. И благодаря тому, что все эти люди были настолько разными, что ничего между ними не было общего, кроме Бога, Который их взыскал, Бога, Которому они предались, Бога, Который стал для них всем содержанием жизни, - между ними было такое единство, какого не могло им дать ничто человеческое.

Мне кажется, что в наше время, стремясь построить общинную жизнь, мы совершаем грубую ошибку, когда стараемся укрепить внутренние связи в Церкви с помощью человеческих элементов культуры, истории, национальности, пытаясь использовать то, что принадлежит плоти, природе, тварности. Потому что чем больше у нас общих моментов в плане образа мыслей, психологии, общественных связей, культуры, языка, принадлежащего нам всем, тем труднее нам видеть в нашем ближнем лишь брата во Христе. Мы видим в нём больше, чем брата во Христе, - то есть в конечном итоге меньше, чем брата во Христе. И в самом деле: когда я узнаю в моём ближнем человека определённой национальности, одного со мной культурного уровня, я узнаю черты, которые в Царстве Божиим излишни. Чем больше накапливается этих искусственных, исторических и земных связей, тем больше становится расстояние между живой душой одного человека и живой душой другого, между полным, абсолютным Человеком - Христом - и мною. Одна пелена за другой нас разделяет, и нам приходится пробиваться к встрече не с помощью всё углубляю-

щегося видения, а сквозь всё более густую непрозрачность.

Мне это представляется очень важным, этот вопрос следует обсуждать, но к нему обращаются очень редко. В нашей устремлённости, в усилении создать единство преобладает человеческий аспект в Церкви. Однако только область благодати даёт нам возможность соединиться, во-первых, со Христом, с Духом Святым, и далее, благодаря тому, что во Христе и силою Святого Духа мы становимся единственными по-новому, не в плане тварном, а по природе Слова Воплощённого, наше единство подтверждается совершенно уникальным способом: мы делаемся способными, согласно смелому, но строго богословскому утверждению, быть во времени и в пространстве продолжением Воплощения и присутствия в Церкви Святого Духа.

Это предполагает даже не просто солидарность, а двойную солидарность. С одной стороны, есть солидарность со всеми теми, кто является нашими братьями по человечеству, по плоти и крови: мы не можем отделиться от них, ведь мы — от их плоти и крови, и они — наша плоть и кровь. Кроме того, другого рода солидарность связывает нас с Человеком Иисусом Христом, Сыном Божиим, ставшим Сыном человеческим, со Словом воплотившимся: мы по-новому становимся одной природы со Словом Воплощённым и коренным образом отличаемся от всех тех, кто чужд этой тайне всецелого Христа, о которой говорили священномученик Игнатий Богоносец и блаженный Августин. Мы едины со всем человечеством прошедшим, настоящим, будущим на двух уровнях: в его оторванности от Бога, в том, что французское средневековье называло *estrangement*, отчуждением от Бога. И вместе с тем по благодати мы становимся едиными и солидарными с Тем, Кто в акте бесконечного милосердия, в акте любви и солидарности возжелал стать единым с нами.

Та и другая солидарность безнадежно противоположны, они не могут совпасть. На иллюзорном совпадении невозможно построить единство: оно окажется не только иллюзорным, но и разрушительным для того, что принадлежит области благодати, потому что сила притяжения более очевидна и воздействует на нас гораздо сильнее, чем нас уносит благодать. В этой двойной солидарности присутствует двойное сострадание, если мы употреб-

ляем это слово в самом сильном его смысле разделённого страдания. Сострадание Христу: не чувство сострадания к Нему, а разделённое с Ним на деле Его страдание и крест, дабы восполнить недостаток в плоти моей скорбей Христовых (см. Кол 1:24). Такое сострадание ведёт к тому, что мы, будучи Его телом, исполненным Святым Духом, делаем Его судьбу своей судьбой, Его страдание — своим страданием, прежде чем Его победа станет нашей победой. И есть ещё со-страдание, которое мы носим в самой плоти нашей в силу того, что, несмотря на нашу принадлежность христианству, мы ещё не достигли завершения, мы в становлении, ещё *in via*, хотя уже *in patria*. Мы уже — дети Отца, и однако перед нами лежит долгий путь, становление, которое мы должны осуществить, пока не станем в полноте тем, к чему нас влечёт наше призвание, пока не достигнем полной меры возраста Христова (Еф 4:13).

Здесь нам особенно (больше, вероятно, чем людям вне Церкви) заметна мучительность нашего одиночества, страдание в оторванности от Бога: в Боге, и тем не менее разлучённые; обладающие по милости Божией вечной жизнью — и смертные, обречённые на смерть; люди, выбравшие волю Божию и ведущие борьбу внутри своих членов, своего сердца, своего духа, своей воли и разума, борьбу с законом смерти, тления, ветхого Адама, который стремится жить и убивать — иначе погибнет сам.

Вот та двойная солидарность, с которой мы должны считаться, и, скажу снова, в плане человеческой общины и церковной общины мы не можем использовать элементы, принадлежащие общине смерти для того, чтобы строить общину вечной жизни. То, что принадлежит миру тления, сначала должно умереть или возродиться, невозможно включить это в неизменном виде в область жизни вечной.

В контексте этого напряжения я хотел бы напомнить вам два определения Церкви и подчеркнуть общинное измерение греха и того, что мы называем таинством покаяния и что можно было бы в контексте моих дальнейших слов назвать таинством восстановления.

Символ веры учит нас, что Церковь единая, святая, апостольская и соборная. В Священном Писании говорится, что Церковь — тело Христово, полнота наполняющего Собою всё (Еф 1:23), что её члены причастны Божественной

природе (2 Пет 1:4), что через преобразующее действие усыновления мы являемся не индифферентно, а реально детьми Бога Живого по образу Христа, Единородного Сына Божия. Если обратиться к Отцам, то священномученик Иринеи Лионский говорит нам, что если мы поистине являемся телом Христовым, то когда всё будет завершено и совершено, мы до такой степени будем во Христе, что в Нём станем единородным сыном Божиим. Тот же священномученик Иринеи говорит, что слава Божия — до конца осуществившийся человек. Вот что такое Церковь в самых своих глубинах, в самой своей реальности; вот что она такое в каждом из нас и в нашей совокупности. И, однако, в каждом из нас, как и в целом в христианской общине, всё это содержится лишь зачаточно, как возможность. Да, мы уже «дети Божии» (Рим 8:16), наша жизнь «сокрыта со Христом в Боге» (Кол 3:3), мы уже приобщаемся Телу и Крови; мы уже единосущны Ему, мы — уже присутствие вечности на земле. И тем не менее мы все в становлении, никто из нас ещё не достиг полноты того, чем является зачаточное.

Есть ещё одно определение Церкви, может быть, более поразительное. Его можно выразить словами преподобного Ефрема Сирина: Церковь — не собрание праведников, она — толпа кающихся грешников. Эти два определения равно верны и справедливы: одно относится к Церкви невидимой, другое — к видимой; одно принадлежит Божественной силе в нас, которая в конечном итоге победит всё, другое относится к тому процессу, к тому пути, на котором мы шаг за шагом то восходим, то падаем.

В контексте такого двойного определения Церкви, такой двойственности нашего видения мы склонны (мне кажется, ошибочно) видеть в грехе только разделение, разрыв, дробление, а святость считать единством и гармонией. Разумеется, в святости осуществляется единство и гармония, но такое единство и гармония, которые составляют необходимое условие разнообразия более глубокого, более яркого, чем любое человеческое разнообразие по плоти: дары Духа превосходят разностью, неповторимостью, многообразием наши природные свойства. Внутри этого единства, которое делает нас единым телом со Христом, единым местопребыванием Духа, человеческая личность проявляется не просто отлич-

ной, иной, но единственной, незаменимой. Каждый из нас не просто отличается от другого, каждый из нас вне всякого сравнения. В этой тайне многообразия, превосходящего сравнение, в этой тайне, в силу которой каждый — настолько единственный, что он непознаваем, и лишь Бог может уловить и явить его таинственную суть, — и заключается святость Церкви.

Но грех — не просто разрыв между членами общины, которые могли бы быть едиными. Есть аспект греха, который поражает всю Церковь, весь человеческий род. Я приведу образ

вовсе не богословский и ничуть не возвышенный. Несколько дней назад мне возразили старшеклассники: “Ну и что, если я грешу? Кому какое дело до этого?”. Я им ответил: «То, что вы говорите, столько же лишено смысла, как сказать: “Ну и что, что у меня есть блохи? Никого это не касается”. Беда в том, что если у вас блохи, они кусают всех вокруг!».

*Митрополит Антоний Сурожский
(начало, продолжение – в следующем номере);
Перевод с французского Е. Майданович*

Детские голоса Троицкого собора

3 февраля нам, двум прихожанкам Троицкого собора, посчастливилось присутствовать на одном из занятий детского хора. С просьбой написать о юных талантах к нам обратился один из священников. Если честно, поначалу к такой просьбе отнеслись несколько прохладно, однако, познакомившись поближе с детьми, пообщавшись с руководителем хора, Еленой Александровной, настолько прониклись их искренностью и талантом, что наше общение проходило с воодушевлением, духовным подъемом.

Как только детям стала известна цель нашего визита, они окружили нас. Каждый старался рассказать как можно больше о хоре, его роли в понимании окружающего мира и самого себя. Например, участница хора 11-летняя Аня, на вопрос, почему она посещает занятия, ответила:

– Потому что интереснее стало жить, стала чаще молиться, ходить в храм. У меня тут много друзей, есть с кем поддаться мыслями и чувствами.

А хористка Инга на этот же вопрос ответила:

– Занятия здесь, кроме всего прочего, дают возможность не скучать после школы....

Когда мы спросили о реакции сверстников на их, не совсем привычное для современных детей увлечение, то оказалось, что большинство ребят относятся к такому времяпровождению положительно, с одобрением, многие хотели бы стать участниками, однако не всегда есть возможность совместить хоровые за-

нятия с другими увлечениями, да и особый слух нужен, музыкальный.

Елена Александровна, призналась нам, что до участия в приходской жизни Троицкого собора в качестве руководителя детского хора, ее жизнь была далека от церковной. Теперь старается совмещать работу в детском саду с ее, сравнительно новой, деятельностью, которая дает возможность расти духовно и ей, и ее подопечным.

Занятия проходят в помещении нижнего храма по вторникам и четвергам с 16-00 до 17-00. Во время репетиций дети расппеваются и разучивают церковные песнопения (например, Херувимскую песнь, ектеньи, аллилуарии), иные вокальные произведения. Хор действует уже второй год. Начался он с 6 учащих-ся, а теперь поют четыре мальчика и десять девочек.

С изученным репертуаром дети уже выступали в Троицком соборе на утренней службе в праздник Рождества Христова. Выступление вызвало бурные эмоции прихожан. Такой реакции не ожидал никто!

Попробовать свои силы может любой ребенок с музыкальным слухом и голосом. Так что, если ваши милые чада проявили интерес к детскому хору, вспомните слова Христа «...пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие» (Мк. 10, 14).

*Дарья Майборода,
Марина Решетник*